

Николай Михайлович
ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

ИЗ ЗАЙСАНА ЧЕРЕЗ
ХАМИ В ТИБЕТ
И НА ВЕРХОВЬЯ
ЖЕЛТОЙ РЕКИ

ЧАСТЬ II

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
П74

Пржевальский Н. М.

П74 Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. Часть II / Н. М. Пржевальский. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 522 с. — (ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ).

ISBN 978-5-521-77185-1

«Ничто так не развивает ум, как путешествие», — говорил Эмиль Золя, понимая, что мало какие ощущения могут сравниться с открытием неизведанных уголков, далеких и близких, на нашей Земле.

На протяжении всей истории человечества путешественники считались героями, странниками, оставляющими привычный уклад жизни и отправляющимися в неизвестность. Стремление к дальним горизонтам, к неизвестности, лежит в основе человеческой природы, а наиболее успешные — или наиболее авантюрные — попытки покорить неизвестные дали неизменно вписываются в список величайших свершений. Будь то доисторический абориген на хлипком судне, античный мореплаватель, средневековый торговец, просвещённый гуманист семнадцатого века или полярный исследователь века двадцатого — все они составляли когорту великих странников, устремленных в неизвестность. Их истории, воспоминания и жизни — образцы высшего проявления человеческих возможностей и человеческого духа.

Серия «великие путешествия» — способ познакомиться с историями многих великих географов, первооткрывателей и исследователей, узнать больше об их жизнях, переживаниях и свершениях.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC WTL
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77185-1

© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

НАШ ПУТЬ ПО СЕВЕРНОМУ ТИБЕТУ

[12/24 сентября — 10/22 октября 1879 г.]
Неблагоприятные нам напутствия. — Обходная
дорога. — Номохун-хото. — Хитрость князя
Дзун-засака. — Хребет Бурхан-Будда и ущелье
р. Номохун-гол. — Урочище Цынсы-обо. —
Догадливый монгол. — Юрта взамен палатки. —
Перемена абсолютной высоты и климата. —
Хребет Шуга. — Река Шуга-гол и ее долина;
окрайние горы. — Баснословное обилие травоядных
зверей. — Птицы и рыбы. — Наша охота. —
Оригинальная долина. — Перевал Чюм-чюм. —
Трудное положение. — Снег и морозы. —
Глазная болезнь. — Равнина по р. Напчитай-улан-
мурень. — Утешительные предзнаменования. —
Дурное топливо. — Хребет Куку-шили. —
Новооткрытый медведь. —
Изгнание проводника.

На восход солнца 12 сентября 1879 года бивуак наш, возле хырмы Дзун-засак в южном Цайдаме, был снят, и мы направились в Тибет. Караван состоял из 34 верблюдов¹ и 5 верховых лошадей; участники экспедиции были те же, что и прежде, переменился только проводник. Немало различных бед насулили нам впереди цайдамские монголы. Нас пугали и глубоким снегом, который, по местным приметам, должен был выпасть в Тибете нынешнею зимою, и болезнями от непривычной высоты, и разбойниками, поджидающими караван в горных ущельях; наконец впервые мы услышали теперь о том, что тибетцы выставили отряд войск с целью не пускать чужеземцев в свою столицу. Словом, напутствия нам были самые неблагоприятные; но, по обыкновению, мы мало придавали цены подобным стращаньям и пошли вперед с самыми лучшими надеждами на успех.

Обходная дорога. Чтобы избавиться от высокого перевала через хребет Бурхан-Будда, мы решили обойти его по ущелью р. Номо-хун-гол. К этой реке теперь и направились, следуя вдоль бесплодной, хрящеватой и галечной равнины, которая, подобно тому как и во многих других центральноазиатских хребтах, широкою, с пологим скатом, полосой окаймляет подножие Бурхан-Будда и его западных продолжений. Местность же, по которой мы шли, представляла по-прежнему солончаковую,

¹ Из них 22 были завьючены.

кое-где болотистую равнину, поросшую в большей своей части хармыком и тамариском. Последний на самом Номохун-голе принимает размеры небольшого дерева¹, так что местные монголы, от роду не выдавшие чего-либо лучшего, с восхищением рассказывали нам про этот «огромный», по их словам, лес.

Здесь же, т. е. в тамарисковых зарослях на берегу Номохун-гола, мы встретили, подобно тому как и близ оз. Курлык-нор, пашни, принадлежащие монголам двух цайдамских хошунов, — Дзун-засака и Тайджинерского. Всего обработано десятин около двадцати земли, на которой засеивается ячмень. Вода для орошения полей отводится из Номохун-гола, а сами поля расположены на маленьких площадках, свободных от тамариска. Почва лёссовая, весьма плодородная, несмотря на всю неумелость ее обработки. Этим делом занимаются беднейшие из монголов и монголоков обоих вышеназванных хошунов, так как земледельческий труд, о чем уже было упомянуто прежде, ненавистен номадам и презирается ими. Ко времени нашего прихода сбор ячменя оканчивался. Его обмолачивали тут же, на полях, выбирая только площадки поровнее и потверже, причем срезанные колосья насыпали довольно толстым слоем на землю и ездили по ним на верховых лошадях. Затем зерна провеивали на ветре и зарывали где-либо неподалеку в землю для сохранения. Рабочих обоего пола собиралось около сотни человек. Жили они или прямо под корнями

¹ Сажени три высотой при толщине у корня от 1 до 1 1/2 футов в диаметре ствола.

высокого тамариска или устраивали себе, из ветвей того же тамариска и глины, маленькие конусообразные шалаши, по форме весьма похожие на муравейники.

Номохун-хото. Невдалеке от обработанных полей стоит большая глиняная хырма, которая, благодаря своим размерам, носит название даже города Номохун-хото. Форма этого укрепления, как обыкновенно в Азии, квадратная; каждый фас имеет в длину 130 сажен при высоте стены в $2\frac{1}{2}$ сажени и толщине сажени в полторы; сверху стена эта зубчатая. С западной и восточной сторон проделаны входы внутрь самого укрепления, в котором, однако, никто не живет и нет никаких построек; да и прежде, вероятно, их не было. Почему это так — нам не сказали. Сообщили только, что само укрепление выстроено не очень давно; строитель же его был казнен по приказанию сининского амбана (губернатора) за то, что осмелился сделать в своей постройке стены на один фут выше тех, которыми обнесен город Донкыр.

На Номохун-голе мы дневали. Однако экскурсии по окрестностям не прибавили к нашим коллекциям ничего нового. Несмотря на кусты, хлеб и ягоды (хармык), птиц найдено было немного и притом все прежние: фазаны (*Phasianus vlangalii*), полевые воробьи (*Passer montanus*), [кустарница] — *Rhopophilus deserti*, сорокопуть (*Lanius isabellinus*), славки (*Sylvia curruca*), плисицы (*Motacilla baikalensis*?). Ящериц добыто было довольно много, но все один вид *Phrynoscephalus* sp. [круглоголовки].

Хотя уже наступила половина сентября, но днем температура в тени доходила еще до +21,9°; по ночам же

случались морозы в — 5,0°. Притом в ночь с 16 на 17 сентября, после великолепного, теплого и освещенного полною луною вечера, вдруг поднялась сильная буря с запада и, как обыкновенно, наполнила атмосферу тучами пыли. Впрочем, это была только вторая сильная буря, испытанная нами в южном Цайдаме в течение всей первой половины сентября. Далеко не то ожидало нас в Северном Тибете.

Хитрость князя Дзун-засака. Последняя попытка отклонить нас от следования туда сделана была на Номохун-голе. Дзун-засак прислал нам с нарочным предложение итти в западный Цайдам, т. е. в Тайджинерский хошун, где, по уверению князя, можно было найти другого еще лучшего проводника. Кроме того, Дзун-засак ни с того ни с сего вдруг предложил устроить облаву на медведей, которых в это время действительно много шаталось по хармыку на Баян-голе. Но все эти услуги, конечно, были только уловкою, о чем мы сразу и смекнули. Как оказалось впоследствии, князю важно было задержать нас до тех пор, пока получится распоряжение от сининского губернатора, к которому еще от Курлык-бэйсе послан был гонец с извещением о нашем прибытии. К великому, вероятно, огорчению Дзун-засака, мы не искусились ни Тайджинерским хошуном, ни интересными медведями и, передневав на Номохун-голе, направились вверх по названной реке в горы Бурхан-Будда.

Хребет Бурхан-Будда и ущелье р. Номохун-гол. Сведения об этих горах уже были напечатаны в описании первого моего путешествия по Центральной Азии.

Теперь могу прибавить только, что и по новому пути, нами здесь пройденному, хребет Бурхан-Будда оказался так же дик и так же бесплоден. Подобный характер, несомненно, сохраняется и на всем протяжении этих гор.

Ущелье Номохун-гола почти сплошь обставлено громадными остроконечными скалами мелкозернистого грюнштейна⁽⁸⁴⁾. Сама река в своем среднем течении имеет от 5 до 7 сажен ширины при глубине (в малую воду) от 1 до 2 футов; в низовье ширина и глубина увеличиваются. Вне гор Номохун-гол вырыл себе в лёссовой и наносной (галечной) почве довольно глубокое траншееобразное русло. Местами такие обрывистые берега встречаются также в среднем и верхнем течении описываемой реки. Там, где ущелье ее немного расширяется, берега густо обрастают весьма похожим на тамариск, и называемым монголами балга-мото (*Myricaria alopescuroides*), кустарником, который поднимается до 13 000 футов абсолютной высоты. Кроме этого преобладающего вида, по ущелью Номохун-гола растут: лоза (*Salix* ap.) и сугак (*Lycium turcomanicum*); попадают также: сабельник (*Comarum Salessowii*?), низкорослая ($1\frac{1}{2}$ —2 футов) облепиха (*Hippophae rhamnoides*) и вьющийся ломонос (*Clematis Orientalis*).

В этих кустарных зарослях, обильных ключами, нам встречались пролетные и частью оседлые птицы: завирушка (*Acsentor fulvescens*), алашанская горихвостка (*Ruticilla alaschanica*), дрозды (*Turdus ruficollis*?), плисицы (*Motacilla baikalensis*?), [синехвостка] — *Nemura cyanura*, [славковидный королек] — *Leptopoeile sophiae*,

оляпка (*Cinclus sordidus*) и бекас-отшельник (*Scolopax solitaria*). Замечено было также несколько больших стад серых журавлей (*Grus cinerea*), которые высоко в облаках спешили прямо на юг и, по всему вероятно, в один мах пролетели через Северный Тибет. Из зверей, по скалам Номохун-гола, много куку-яманов (*Pseudois nahoar*), водятся также медведи (*Ursus* sp.) и аркары (*Ovis hodgsoni*?); но последние, как обыкновенно, избегают диких гор и держатся на южном, более мягком, склоне Бурхан-Будда.

Обходом по Номохун-голу мы сделали лишних 45 верст, но, по правде сказать, мало выгадали относительно удобства пути. Хотя мы и не переваливали через высокий хребет, все-таки путь по ущелью, нередко каменистому, да притом с частыми переправами с одного берега реки на другой, достаточно натрудил наших верблюдов. Не меньше досталась и лошадям, на беду которых у нас в это время имелось в запасе только две подковы из числа двадцати, купленных в Са-чжеу. Достать же подков в Цайдаме было негде, а запастись своими на все время путешествия невозможно. Притом китайские подковы — тонкие, хрупкие и без шипов — очень скоро портятся. При дальнем же пути, который нам теперь предстоял нередко по горам, некованные лошади легко могли захромать и сделаться совершенно негодными для верховой езды. Вот от каких, по-видимому, пустяков зависят более или менее удобства, а иногда и самый успех путешествия.

Урочище Дынсы-обо. 18 сентября мы оставили позади себя хребет Бурхан-Будда и пришли в урочище Дынсы-обо, лежащее на абсолютной высоте 13 100 футов. Таким образом мы попали теперь на Тибетское плато, или, верней, на последнюю к нему ступень со стороны Цайдама. Характер местности и всей природы круто изменился. Мы вступали словно в иной мир, в котором прежде всего поражало обилие крупных зверей, мало или почти вовсе не страшившихся человека. Невдалеке от нашего стойбища паслись табуны хуланов, лежали и в одиночку расхаживали дикие яки, в грациозной позе стояли самцы оронго; быстро, словно резиновые мячики, скакали маленькие антилопы ады. Не было конца удивлению и восторгу моих спутников, впервые¹ увидевших такое количество диких животных.

Появились также и новые птицы: тибетский большурук (*Syrrhaptes thibetanus*) и земляные выюрки (*Pyrgilauda ruficollis*, *P. barbata* n. sp.); кроме того, летало много воронов (*Corvus corax*) и грифов (*Gypaëtus barbatus*, *Vultur cinereus*, *Gyps himalayensis*), разыскивавших себе добычу.

Последней для них нашлось вдоволь на следующий же день, когда мы вшестером отправились на охоту и в короткий срок убили 13 зверей в том числе двух яков. Некоторые шкуры поступили в коллекцию; часть мяса была взята для еды, остальное брошено. Тут-то и начался пир волков, воронов и грифов. Мигом на убитом зве-

¹ Кроме урядника Иринчинова, бывшего со мной в Северном Тибете зимой 1872—1873 года.